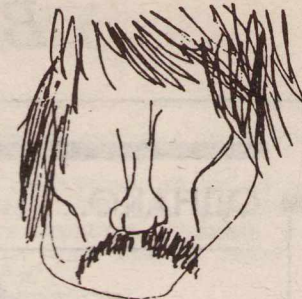

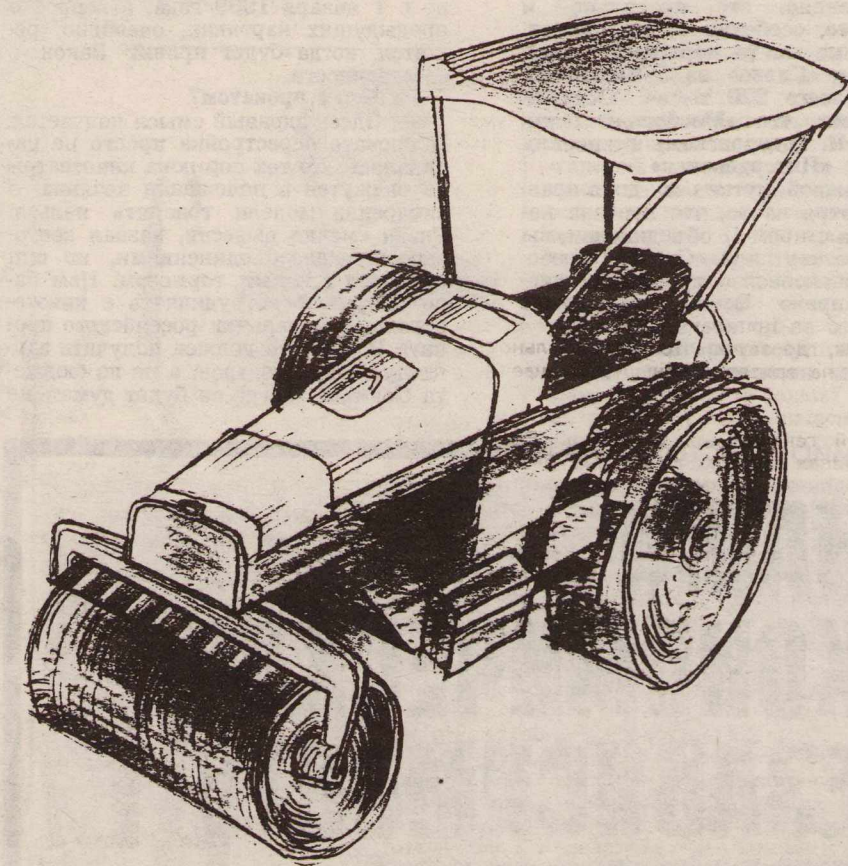
Тарковский Андрей Павлович 1932-1986

Андрей Тарковский

● Андрей Тарковский во время съемок фильма «Каток и скрипка».

Рисунок
Константина Валова.

«Чувство, которое делает нас свободными, — чувство собственного достоинства»

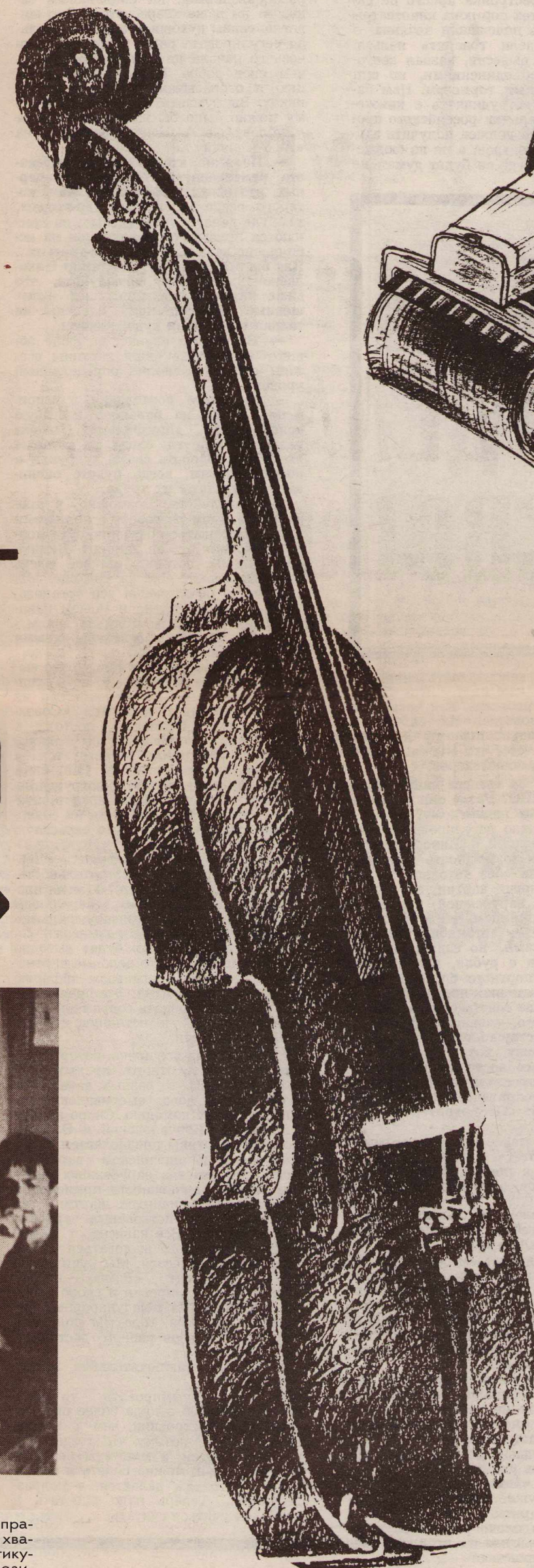

Я тоже принадлежу к категории людей, которые поверили в этот сценарий, в этих авто-

В беседе с Тарковским мне казалось, что он несет что-то новое, свежее (и некоторым говорил), даже мне непонятное! (единственный раз не ошибся.— М. Г.). И поэтому я

поддержал его. Но Тарковский взял неправильную линию: он слушает тех, кто его хвалит, и не хочет слушать тех, кто его критикует. Тарковский упрямо стоял на своей позиции, хотя он был неправ и на это ему указывали.

А самое главное, что Заманский не такой

актер, из-за которого стоило драться. У меня впечатление такое, что Заманский предельно ничего не понял, что хотел от него режиссер. Он ходит, двигает руками, ногами и из-за всех сил старается быть простым. А ведь у него глаза-то пустые.

Я считаю, что неверно, что в подписях указано, что это работа 4-го объединения. Это картина дипломная. Я высказал это соображение генеральному директору студии, и он сказал, что как товарищ единица это вызывает у товарищей серьезную и принципиальную критику.

Мы должны сказать откровенно, что операторская работа хорошая, но поведение оператора (фильм снимал В. Юсов.— М. Г.) мне непонятно. Как может оператор, являющийся штатным оператором нашего объединения, как можно вот так пройти фигурой молчания в течение всей картины. Я этого не понимаю. Вы должны были занять какую-то определенную позицию, но вы себя не проявили в отношении режиссуры. И в этой картине вы все время молчали. Как же можно так работать? Снимали хорошо, операторски хорошо, а какое ваше отношение к картине, какие у вас были отношения с режиссером? Может быть, не на художественном совете, а где-то еще вы нам расскажете.

А. А. Тарковский: Хочу я сказать вот что, тем более что пишется стенограмма, и я считаю себя обязанным это сказать — надеюсь, что я прав. Идеино-порочная точка зрения, которая каким-то образом выплывает здесь, — я не считаю, что это справедливо. Я не считаю это справедливым, когда говорят о мире бедных и богатых. Я категорически против и буду это утверждать до самого последнего момента. Это мое мнение, которое я несколько не хочу противопоставлять мнению членов художественного совета, тем более что и мнения членов художественного совета расходятся. Здесь нет ни Кассия, ни Ромма, то есть я хочу сказать, что есть несколько мнений.

Я не понимаю, откуда могла родиться мысль о том, что мы имеем дело с богатым мальчиком-скрипачом и бедным рабочим? Я этого не понимаю и не пойму, наверное, никогда в жизни.

И я с этим не могу согласиться, хотя с огромным вниманием выслушал ваши замечания и все, что возможно, я хочу воспринять правильно. Но, по-моему, все это высосано из пальца.

И вот еще коротко. Мне очень жаль, что картина наша судится как картина реалистическая. В этом весь вопрос.

Реализм — понятие растяжимое. Реализм Маяковского, реализм Паустовского, реализм Серафимовича, реализм Олеси и других — разный.

Наша задача была создать условность. В чем условность? В том, что мы не можем в 4—5 частях в горьковском, фурмановском плане развивать характеры героев. Мы их развиваем в чисто условном плане, за что нас осуждают.

Реплика. Если не в горьковском и фурмановском, то в чем же плане?

А. А. Тарковский: Мы ни под кого не работаем.

Т. В. Матвеева: Было бы приятнее слушать, если бы вы разумнее подошли к замечаниям.

А. А. Тарковский: Я не могу согласиться с тем, с чем не могу согласиться.

Т. В. Матвеева: Вам самому было бы больше на пользу, если бы вы не ссылались на Кассия и Ромма, а своим маленьким опытом и своим талантом почувствовали, что люди сюда пришли не для того, чтобы раздолье картину, а чтобы вам помочь, чтобы картина прошла хорошо и о вас в прессе заговорили. Совсем не нужно, чтобы потом выступила «Советская культура» и раздолье вас в пух и прах. Это ваша первая работа. Меня возмущает такое отношение. Вы — молодой человек. Здесь сидят люди, которых я очень высоко чтил. Я бы на вашем месте прислушалась к тому, что говорит. А вы становитесь в позу и обвиняете здесь всех. Такое зазнайство, такое пренебрежение ко всему вас к хорошему не приведет.

М. Х. Кошечка, кинодраматург: Можно спорить по любым творческим вопросам, но вам еще рано опровергать драматургию Горького и Фурманова.

В. Н. Журавлев: Я должен сказать, что Тарковский на всех совещаниях произносит одну фразу: «Принципиально я с вами не согласен». А в чем — вы доказать не можете. Это самое печальное, что очень огорчает. Вы сегодня, выступая, опять очень меня огорчили, потому что опять неправильно встали в позу человека, которого не признали. Это очень печально.

Такое вот обсуждение. И такая «поза» Андрея Тарковского. Вообще-то признали довольно скоро. Но не на «Мосфильме», а в Нью-Йорке, где на международном конкурсе студенческих фильмов картина «Каток и скрипка» получила первую премию.

Прошло десять лет. Ушел из жизни учитель Тарковского Михаил Ильич Ромм. Архив сохранил для нас поразительный силы документ. Сегодня он воспринимается как духовное завещание Андрея Тарковского, его клятва на верность искусству.

А. Тарковский. Выступление о М. И. Ромме [не сказанная на похоронах речь].

Нет больше с нами Ромма.

Ромма, который для нескольких поколений своих цеховых коллег был символом человеческой и профессиональной порядочности.

Когда нам становилось плохо, если на нас обрушивалась беда, или неотступно преследовали неприятности, — мы приходили к Ромму, чтобы поделиться им. Вернее, переложить на его плечи большую часть собственных горестей.

Мы делали это, чтобы не заболеть, и инстинктивно стремились вдохнуть глоток воздуха в доме человека с чистой совестью.

И вот пришел день, последний день жизни Ромма.

И Ромма не стало.

Ученики какого иного Мастера могли бы свидетельствовать о том, что учитель делится с ними самыми сокровенными?

Не замыслил, нет! Не успеха и победой! Нет!

Мы понимаем — на это всегда готова прежде всего бездарность.

Ромм делился с нами сомнениями, неудачами.

Разве мы это забудем? Он никогда не боялся говорить нам правду о себе.

И тем не менее был неуязвим, ибо был полон чувства собственного достоинства.

Умер Михаил Ильич. Обладавший безмерной полнотой благожелательства к людям.

Когда уходят близкие, мы плачем не потому, что жалуем их. Нет. Утверждать это было бы лицемерием.

Мы жалуем себя (последнее слово подчеркнуто.— М. Г.). Это мы (подчеркнуто.— М. Г.) потеряли. Поэтому мы плачем.

В этом мире, пораженном энтропией совести и человеческого достоинства, мы испытываем чувство вины перед ушедшим.

Потому что мы были бездушными и эгоистичными. А он каждый день, каждый час — фактом своего существования бессознательно старался вдохнуть в нас это чувство, которое делает нас свободными — чувство собственного достоинства.

Поэтому он умер.

Прощайте, дорогой Михаил Ильич!

И если в нас теплятся еще остатки достоинства и совести, мы постараемся, чтобы они не угасли.

Во имя Вас.

Ноябрь 1971 г.

Публикация

Михаила ГОЛЬДЕНБЕРГА.

* Хранится в ЦГАЛИ СССР в архиве М. И. Ромма.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ

художественного совета
4-го творческого объединения
киностудии «Мосфильм»

ПОВЕСТКА ДНЯ:

Обсуждение нового цветного
художественного фильма
«Каток и скрипка».

6 января 1961 г.

(Тексты даются точно по стенограмме,
хранящейся в ЦГАЛИ СССР в архиве
«Мосфильма», ф. 2413, оп. 4, ед. хр. 1339).

С. Я. Базматьева, редактор фильма: Мне кажется, что в картине мало музыки. Я говорила об этом на предыдущем художественном совете, и меня несколько не убеждает заявление Тарковского, что ему как раз это нравится, что раз зритель уходит с картины, ощущая, что не хватает музыки, это то самое, с чем должен уйти зритель. По-моему, это неверно. Картина музыкальная, и она должна быть пронизана музыкой, потому что в тех местах, где звучит это эмоциональное воздействие на зрителя, меньше замечаешь, может быть, подчас какие-то погрешности.

...Теперь мне хочется сказать по поводу претензий генеральной дирекции. Единственная серьезная претензия, которая была высказана редактором Главной редакции и поддержана была генеральной дирекцией, — относительно темы богатых и бедных, которая якобы прозвучала в фильме из-за неправильно снятой сцены в квартире у мальчика с мамой.

Сначала, когда предъявляли эти обвинения, я горой встала за режиссера, потому что я знала, что по сценарию это было задумано не так. И после того, как я подумала о том, что говорили на заседании генеральной дирекции, когда я отделила сценарий от тех сцен, которые мы видели на экране, я поняла, что не напрасно возникла эта мысль.

Действительно, что мы слышим в том диалоге, который ведет мальчик и мать: «Он рабочий, он грязный, мы его не знаем, а к нам придут Мария Александровна с Валей — это тебе компания. А он тебе не компания».

Нужно это переозвучить, чтобы эта тема богатых и бедных была снята.

Т. В. Голубцова, первый секретарь Киевского РК ВЛКСМ г. Москвы, после этого поста была заместителем министра культуры СССР: Из-за слабого диалога, отсутствия динамики и некоторой непродуманности фильм очень схематичен по всем своим направлениям.

Мне не совсем понравился Сергей. Он очень обиден. Какой это человек, что он дал этому мальчику? Кроме того, что он заставил его полюбить трудового человека и различать плоскогобыка, — мы поняли, что он полнейший профан в музыке... Что он знает, что он может дать мальчику, рассказать и т. д.?

И в отношении финала. Мне кажется, что то, что богаты и бедные, если такое замечание было на генеральной дирекции, то должна сказать, что у нас тоже были какие-то опасения, что здесь что-то не то.

Т. В. Матвеева, партийный работник: Извините за резкость — мне этот фильм не понравился. Не понравился в своей идейной основе. Я согласна с замечанием относительно противопоставления богатых и бедных.

М. Е. Гиндин, кинооператор: Много раз мы, старшие товарищи, говорили, помогали за руку брали, передавали перескаты, прислушались к нам. Все нам было дано: лучшая техника, панорама, краны, тележки — все, что хотели. Вот вам, молодые люди, пожалуйста. Условия были созданы. Но Тарковский упирался. Он принципиально считал, что то, что он возвел в принцип — это превыше всего.

Как же теперь быть дальше? Тут были сложные замечания, идеологические.

С места: Виноват М. И. Ромм.

М. Е. Гиндин: Жаль, что он не пришел сегодня. Как педагог он, может быть, прав, считая работу учебной в рамках учебного заведения, как учебный этюд, где можно пробовать, искать в учебном плане. Там возможны такие ошибки. Но в произведении, которое должно воспитывать, давать познавательные вещи, — это невозможно.

Как дальше подойти к тому, чтобы привести в приличный строй эту концепцию, чтобы это была не только учебная работа в рамках архива института, но чтобы ее увидел зритель?

По этому поводу было много советов, предложений, но Тарковский с ними не считался, и меня это удивляет. Почему такое отношение? Может быть, кто-то консультирует вас так: сопротивляйтесь этим советам. Ведь мы не приказываем, мы предлагаем.

Для студии пересъемка — это ЧП, студия идет на это, но только поставьте все на место в режиссерском и авторском плане.

В. Н. Журавлев: Я не буду перечислять всех недостатков, на которые тут уже указывали, потому что я с ними полностью согласен. Нет в картине ни одной сцены, которая произвела бы впечатление, которое обязало вызвать каждое произведение искусства. Правильно сегодня говорили: поскольку в каждой сцене не было задачи, то и нет единой задачи произведения.